

*Мистеру и миссис Дж. Ф. У. Хоуп
с нежной благодарностью
за многолетнюю дружбу*

От автора

Когда этот роман был впервые опубликован отдельным изданием, стали говорить, будто я чересчур увлекся: по мнению некоторых критиков, то, что начиналось как рассказ, вышло из-под авторского контроля. Мне указали на границы выбранной мною повествовательной формы: дескать, человек не сможет говорить так долго. А если и сможет, то никто не станет слушать. Такое повествование выглядит неправдоподобно.

Я думал об этом лет шестнадцать, но до сих пор не убедился в правоте моих критиков. Известно, что и в тропиках, и в умеренных широтах люди способны полночи «молоть языком», обмениваясь историями. В моей книге тоже рассказана история — одна, хотя и прерванная несколько раз, чтобы слушатели могли отдохнуть. Терпение слушателей, полагаю, объясняется тем, что им интересно. Это обязательная предпосылка: я бы не стал излагать на бумаге историю, которую не считаю увлекательной. Что же до того, вероятно ли столь долгое говорение с физической точки зрения, то все мы знаем: речи некоторых членов парламента длятся чуть ли не по шесть часов, меж тем как ту часть книги, где Марлоу говорит от первого лица, можно прочесть вслух меньше чем за три. К тому же, хоть я и не позволял себе загромождать повествование несущественными подробностями, естественно было бы предположить, что несколько раз на протяжении ночи рассказчик подкреплял свои силы стаканом минеральной воды или чего-нибудь еще.

Но шутки в сторону. Сперва я действительно задумал написать рассказ, в основу которого легла бы история о корабле пилигримов. Ничего другого в мой изначальный

замысел не входило, и это было вполне законное зачатие. Однако, написав несколько страниц, я остался недоволен и решил на некоторое время их отложить. Они пролежали в ящике моего письменного стола до тех пор, пока покойный мистер Уильям Блэквуд не попросил меня вновь дать что-нибудь для его журнала.

Только тогда я понял, что эпизод с кораблем пилигримов — хорошая отправная точка для свободно блуждающего повествования, и что это как раз то событие, которое способно оживить образ простого, но остро чувствующего персонажа. В ту пору я сам не вполне понимал мои душевные движения. Да и сейчас, после стольких лет, они не стали для меня много яснее.

Те несколько страниц, которые я извлек из своего стола, оказали определенное влияние на выбор темы, но, сделавшись частью целого, были переписаны сообразно новому замыслу. Я знал, что повествование будет долгим, хотя изначально и не предполагал растягивать его на тринадцать номеров журнала.

Иногда меня спрашивают, не эту ли свою книгу я люблю больше всех других. Я убежденный противник фаворитизма не только в политике, но и в частной жизни, а также в непростых отношениях между автором и его творениями. У меня самого обыкновенно не бывает любимцев, но то, что некоторые читатели выделяют «Лорда Джима» среди моих работ, меня не огорчает и не раздражает. Чтобы это было «за пределами моего понимания», я тоже не скажу. Нет! И все-таки испытать удивление и замешательство мне однажды пришлось.

Друг, вернувшийся из Италии, поведал мне, что одной даме, с которой он там беседовал, моя книга не понравилась. Я, конечно, выразил сожаление, но сама по себе нелестная оценка удивила меня куда меньше, чем ее основание. «Видите ли, — сказала та дама, — это все так нездорово...»

Обеспокоенный столь неожиданным заявлением, я довольно долго размышлял и, в конце концов, пришел к вы-

воду: во-первых, сам тот предмет, о котором говорится в книге, как правило, не слишком волнует женщин, а во-вторых — та леди вряд ли итальянка. Не знаю даже, в Европе ли находится ее родина. В любом случае для латинского темперамента нет ничего нездорового в остром переживании утраты чести. Эта утрата может быть истинной или ложной, а вызванные ею терзания могут показаться искусственными. Мой Джим, пожалуй, не типическая фигура, но я позволю себе твердо заверить читателей в том, что при этом он и не продукт холодного извращенного мышления, не порождение Северных Туманов. Однажды утром в обыкновенном восточном порту он прошел мимо меня: значительный и располагающий к себе, притом совершенно безмолвный и словно окутанный облаком. Моя задача состояла в том, чтобы со всем сочувствием, на какое я только способен, подобрать слова, которые выразили бы, что он значил в моих глазах. Он был «одним из нас».

Дж. К.

Июнь 1917.

Глава 1

Он был без одного-двух дюймов шести футов росту*, могучего телосложения. Шагал, слегка ссутулив плечи, наклонив голову и по-бычьему глядя исподлобья. Говорил густым звучным голосом, держался с упрямой уверенностью, в которой, впрочем, не было ничего агрессивного. Его напористость казалась необходимой, и он, по-видимому, направлял ее в той же мере на самого себя, как и на других. Безупречно аккуратный, он одевался во все белое, от тужелья до шляпы, и пользовался большой популярностью в многочисленных восточных портах, где служил клерком судового поставщика.

Клерки судовых поставщиков не сдают никаких экзаменов, но должны обладать сноровкой — в теории и на практике. Их работа состоит в том, чтобы под парусом, на паровом ходу или на веслах быстрее конкурентов добраться до любого корабля, намеренного причалить. Затем следует бодро приветствовать капитана и вручить ему карточку своего начальника, а едва капитан ступит на берег, твердо, однако не слишком навязчиво направить его в большую пещероподобную лавку, полную всего того, что моряки едят и пьют, а также всего того, чем они чинят и украшают свое судно, начиная с набора крюков для якорной цепи и кончая сусальным золотом для резьбы на корме. Хозяин, которого капитан видит впервые в жизни, с братским радушием приветствует его в своих прохладных владениях, где имеются удобные кресла, напитки, сигары, письменные принадлежности и свод портовых правил. Теплый прием размягчает соляную корку, выросшую на сердце моряка за

* Около 180 см. — *Здесь и далее примеч. пер.*

три месяца плавания. В продолжение всей стоянки корабля знакомство, завязанное таким образом, поддерживается ежедневными визитами клерка. В отношении капитана он выказывает дружескую преданность, сыновнее участие, терпение Иова и самоотверженную верность любящей женщины, сдабривая все это приятельской веселостью. Потом выписывается счет. Быть клерком судового поставщика — ремесло прекрасное и гуманное, и тех, кто в нем преуспевает, не так-то много. Клерка, который не только ловок в теории, но и не понаслышке знаком с жизнью моряка, придется задабривать и деньгами, и любезным обращением. Джиму всегда хорошо платили и обращались с ним так, что, будь он даже чертом, в ответ от него можно было бы ожидать дружеской преданности, однако он, проявляя черную неблагодарность, внезапно оставлял работу и уезжал. Причина, на которую он ссылался, не встречала понимания хозяев. «Чертов дурак!» — бормотали они ему вслед. Так они аттестовывали его изысканную чувствительность.

Для белых торговцев в портовых городах и капитанов судов он был просто Джим и никак иначе не назывался. Другого имени, которое у него, конечно, имелось, он раскрывать не желал. Его инкогнито, дырявое, как решето, должно было прятать не личность, но факт. Как только факт прорывался наружу, Джим поспешно покидал тот порт, в котором это происходило, и уезжал в другой — еще дальше на восток. Он держался прибрежных городов, потому что был моряком, отлученным от моря, и обладал знаниями, полезными лишь для одной сухопутной работы — помощника судового поставщика. Преследуемый фактом, который всплывал случайно, но неизбежно, он размеренно двигался навстречу восходящему солнцу. О нем узнали сперва в Бомбее, затем в Калькутте, Рангуне*, Пинанге и Батавии**, и везде он был просто Джимом,

* Рангун — старое (до 1989) название Янгона, крупнейшего города Мьянмы.

** Батавия — старое (1619–1942) название Джакарты, столицы Индонезии.

клерком судового поставщика. Потом острое восприятие непереносимого заставило его навсегда покинуть мир морских портов и белых людей. Джим скрылся в девственных джунглях, в малайской деревушке, продолжая и там хранить инкогнито. К короткому имени, которым он представился, местные жители прибавили еще одно слово: они стали звать его «туан Джим». Это означало примерно то же, что «лорд Джим».

Родом он был из семьи пастора. Славные капитаны многих торговых кораблей вышли из стен, где царят мир и набожность. Отец Джима обладал достаточными знаниями о непознаваемом, чтобы поддерживать благочестие в крестьянских домах, не нарушая спокойствия тех, кого безошибочная воля Провидения сделала хозяевами поместий. Своей замшелой серостью церквушка на холме напоминала скалу, проглядывающую сквозь зубчатое кружево листвы. Деревья, росшие вокруг, вероятно, помнили, как закладывался первый камень этого храма, построенного несколько столетий назад. Ниже стоял пасторский дом, тепло красневший в окружении лужаек, клумб и елей. Позади располагался фруктовый сад, слева — мощный двор с конюшней. К кирпичной стене лепились стеклянные своды теплиц. Семья жила в этом гнезде на протяжении нескольких поколений, но Джим был одним из пяти сыновей, и, когда легкое чтение выявило в нем любовь к морю, его определили на «учебный корабль торгового флота».

Там он выучился решать кое-какие тригонометрические задачи и поднимать брам-стенги. Его успехи встречали одобрение. Среди своих товарищей он был третьим в навигации и сделался загребным на первой шлюпке. Спокойная голова и отлично развитые мускулы позволяли ему ловко управляться с реями. Его пост был на фор-марсе*. С презрением человека, которому суждено блестяще преодолеть опасности, глядел он вниз, на мирное скопление крыш, разрезаемое на две половины коричневыми водами

* Марс — площадка в верхней части мачты, фор-марс — марс на фок-мачте (передней мачте судна).

реки, и на фабричные трубы вдали, что росли перпендикулярно закопченному небу, — тонкие, будто карандаши, и изрыгающие дым, будто вулканы. Он видел, как отчаливают большие корабли и как снуют туда-сюда широкие паромы. Внизу, под его ногами, плавали маленькие лодочки, а впереди, суля волнующие приключения, виднелась туманная роскошь моря.

На нижней палубе, в шуме двух сотен голосов, Джим забывался, погружаясь в воображаемый морской мир легкой литературы. Мысленно он спасал людей с тонущих судов, рубил мачты во время ураганов, вплавь боролся с волнами, зажав в руке литье, или, выжив после кораблекрушения, босой и полуобнаженный, бродил по скалам в поисках моллюсков, которые не дали бы ему умереть от голода. Он побеждал в столкновениях с дикарями на тропических берегах, подавлял мятежи в открытом море, вдохновлял своим мужеством несчастных, оказавшихся вместе с ним на крошечном суденышке посреди океана, — словом, всегда был, как герой романа, непоколебим в своей преданности долгу.

— Скорее! Там что-то происходит.

Мальчишки, слившись в плотный поток, карабкались вверх по лестнице. Наверху слышались крики и беготня. Едва высунув голову из люка, Джим остолбенел.

Была зима, сгущались сумерки. Ветер, усилившийся после полудня, остановив движение на реке, теперь дул с силой урагана. Судорожные порывы гремели, как залпы огромных орудий над океаном. Косой дождь падал с неба простынями, которые то трепетали, то никли, и время от времени Джим видел угрожающие волны прилива. Какое-то суденышко судорожно металось возле берега, неподвижные здания вырастали из дрейфующего тумана, громоздко темнели паромы, стоящие на якоре, забрызганные дебаркадеры поднимались и опускались. Следующий порыв ветра грозил сдуть все это прочь. По воздуху летала вода. В свирепости бури ощущалось нечто злонамеренное, в ярости ветра — нечто многозначительное. Этот жестокий мятеж неба и земли был, как мнилось Джиму, направлен

именно против него. От ужаса он перестал дышать и замер. Ему показалось, будто он кружится на месте.

Его отпихнули с дороги. Раздалась команда:

— По шлюпкам!

Мальчишки побежали. Каботажное судно, вошедшее в устье реки, чтобы спастись от бури, натолкнулось на шхуну, стоящую на якоре, и один из наставников это увидел. Мальчишки облепили перила, сгрудившись возле шлюпбалок.

— Авария! Прямо перед нами! Мистер Симонс заметил.

Джима толкнули, он споткнулся о бизань-мачту и схватился за веревку. Старое учебное судно, поставленное на якорь носом против ветра, все дрожало, мягко кивая и низким голосом своей скудной оснастки насвистывая тихую песню о юности, проведенной в море.

— Шлюпку на воду!

Джим увидел, как лодка, заполненная его товарищами, стала быстро опускаться, и бросился к ней. Раздался всплеск.

— Отвязать фалы!

Джим перегнулся через перила: речная вода обтекала судно, закипая пеной. Шлюпка, словно заговоренная волной и ветром, дергалась на месте, почти не продвигаясь. Из сгущавшейся темноты слабо донесся голос:

— Гребите, щенки, если хотите кого-нибудь спасти! Гребите как следует!

Шлюпка резко задрала нос, ошетибилась веслами и прыгнула вперед, наконец-то пересилив чары ветра и прилива. Плечо Джима крепко схватила чья-то рука:

— Опоздал, парень.

Капитан корабля удержал мальчика, который, видимо, готов был прыгнуть за борт. Джим поднял глаза, полные боли разочарования. Капитан сочувственно улыбнулся.

— Это научит тебя не зевать. Может, в следующий раз повезет.

Шлюпка была встречена громким приветственным воплем. Довольно скоро она, танцуя, вернулась, до полови-

ны наполненная водой, в которой лежали спасенные — два изможденных матроса. Угрозы ветра и моря теперь казались Джиму ничтожными — тем сильнее он сожалел о том, что недавно испытал перед ними такой ужас. Сейчас он смотрел на них другими глазами, и шторм уже несколько его не смущал. Даже более серьезные испытания были ему по плечу. Он мог все преодолеть — легче, чем кто-либо. Страх совершенно исчез.

Однако тем вечером Джим сидел, мрачный и задумчивый, в стороне от остальных, а героем нижней палубы был баковый гребец шлюпки — сероглазый мальчик с девичьими чертами. Товарищи забрасывали его вопросами, а он повествовал:

— Я увидел в воде чью-то голову и сразу схватился за багор. поймал бедолагу за штанину и сам чуть не вывалился за борт. Наверное, вывалился бы, если бы старик Симонс не выпустил румпель и не схватил меня за ноги. Лодка едва не перевернулась. Симонс — славный малый. Я на него не в обиде за то, что он частенько нас поругивает. Он бранил меня не переставая все то время, пока держал. Кричал, чтобы я не выпустил из рук багор. Он, старый Симонс, жутко вспылчивый, правда? Нет, я зацепил не того, маленького, а другого — дюжего, с бородой. Когда мы его втащили, он застонал: «Моя нога! Моя нога!» — и закатил глаза. Только представьте себе: такой здоровяк брякнулся в обморок, как девчонка. Разве кто-нибудь из вас потерял бы сознание из-за царапины от багра? Я бы точно нет. Правда, крюк вошел в ногу вот настолько. — Рассказчик произвел сенсацию, показав своим слушателям специально принесенный для этой цели багор. — Да нет же, я не за мясо его тянул, а за штаны. Хотя крови, конечно, было много.

Столь откровенное проявление тщеславия Джим счел жалким. Шторм, оказавшийся лишь мнимо ужасным, породил сообразный себе мнимый героизм. Джим сердился на стихии за то, что они своим бунтом застигли его врасплох, нечестно парализовав в нем благородное стремле-